

МОДЕЛЬ ГРЕЧЕСКОЙ КОЛОНИЗАЦИИ НИЖНЕГО ПОБУЖЬЯ

Изучение Нижнего Побужья — культурно-исторической области, охватывавшей районы Бугского, Днепро-Бугского и Березанско-Сосицкого лиманов, — долгое время имело ярко выраженную одностороннюю направленность. Буквально до последнего десятилетия основное внимание археологов было сосредоточено на решении вопросов истории и материальной культуры двух жемчужин отечественного антиковедения — самого раннего в Северном Причерноморье греческого поселения на о-ве Березань и города Ольвии. Работы, проводимые за пределами названных памятни-

ков, как правило, носили весьма ограниченный и спорадический характер. Лишь в 1947—1950 годах были предприняты относительно широкие, но, к сожалению, весьма кратковременные раскопки ряда сельскохозяйственных поселений ольвийской округи¹. В силу этого созданные до сих пор концепции колонизации Нижнего Побужья исходят из общих теоретических представлений, базируясь в основном на березанско-ольвийских материалах и скудных данных античной литературной традиции². Прочие составляющие нижебугского культурно-исторического феномена, прежде всего материалы рядовых памятников региона поневоле играли в построениях сугубо вспомогательную роль.

Положение дел начало постепенно меняться только с середины 60-х годов, когда Ольвийская экспедиция ИА АН УССР, а вслед за нею Ольвийская экспедиция ЛОИА АН СССР и экспедиция Николаевского краеведческого музея приступили к долговременному и планомерному изучению всего региона. Это изучение уже в самом начале оказалось весьма успешным, выявив целый ряд новых, ранее даже не предполагавшихся памятников, существенно расширивших круг наших источников³. На этой основе в сочетании с информацией, полученной в последнее время на Березани и в Ольвии, появилась возможность уже сейчас уточнить, а в некоторых случаях даже по-иному интерпретировать отдельные этапы колонизации и формирования взаимоотношений эллинов Нижнего Побужья с причерноморскими варварами⁴. Тем самым возникла необходи-

¹ Ф. М. Штигельман, Поселения античного периода на побережье Бугского лимана, МИА, № 50, 1956, стр. 255 сл.

² А. А. Иессен, Греческая колонизация Северного Причерноморья, Л., 1947; Я. В. Доманский, Нижнее Побужье в VII—V вв. до н. э., Канд. дисс., Л., 1955 (рукопись); С. И. Каполина, Из истории греческой колонизации Нижнего Побужья, МИА, № 50, 1956, стр. 212 сл.; В. В. Лапин, Греческая колонизация Северного Причерноморья, Киев, 1966.

³ А. С. Русяева, Бейкушське поселення VI—V ст. до н. е., «Матеріали XIII конференції Інституту археології АН УРСР», Київ, 1972, стр. 220—222; А. В. Бураков, В. М. Отрешко и др., Работы Периферийного отряда Ольвийской экспедиции, АО 1974 года, М., 1975, стр. 262 сл.; В. М. Отрешко, Архаические и классические слои на поселении у Закисовой балки, «150 лет Одесскому археологическому музею АН УССР (тез. докл. юбил. конф.)», Киев, 1975, стр. 129 сл.; А. В. Бураков, В. М. Отрешко и др., Разведки Периферийного и Геофизического отряда Ольвийской экспедиции, АО 1975 года, М., 1976, стр. 314; В. М. Отрешко, Позднеархаические поселения Березанского лимана, «Открытия молодых археологов Украины», ч. 1, Киев, 1976, стр. 31—33; В. В. Рубан, В. М. Рычка, Исследования античных памятников близ Ольвии. АО 1976 года, М., 1977, стр. 362 сл.; К. К. Марченко, Я. В. Доманский, Комплекс построек позднеархаического времени античного поселения Старая Богдановка 2, «Археологические исследования на Украине в 1976—1977 гг.» (тезисы докл. XVII конф. ИА АН УССР), Ужгород, 1978, стр. 75 сл.; К. К. Марченко, Ю. А. Виноградов и др., Раскопки античного поселения Старая Богдановка 2, АО 1978 года, М., 1979.

⁴ В. В. Рубан, О периодизации античных памятников Северо-Западного Причерноморья доримского времени, «150 лет Одесскому археологическому музею ИА АН УССР» (тезисы докл. юбил. конф.), Киев, 1975, стр. 130—132; В. М. Отрешко, К проблеме экономического районирования Нижнего Побужья в архаическую эпоху, «Материалы симпозиума по проблемам греческой колонизации и структуре раннеантичных государств Северного и Восточного Причерноморья» (тезисы докл. и сообщ.), Цхалтубо, 1977, стр. 54 сл.; Л. В. Копейкина, Особенности развития Березанского поселения в архаический период в связи с ходом колонизационного процесса, там же, стр. 34 сл.; К. К. Марченко. Взаимодействие эллинических и варварских элементов на территории Нижнего Побужья в VII—V вв. до н. э., там же, стр. 43—45; Я. В. Доманский, Л. В. Копейкина, К. К. Марченко, Из истории Нижнего Побужья в VII—V вв. до н. э. (Березань, Ольвия, ольвийская округа), «Проблемы археологии», вып. II, Л., 1978, стр. 72—78; А. С. Русяева, М. В. Скржинская, Ольвийский полис и каллипиды, «Археологические исследования на Украине в 1976—1977 гг.» (тезисы докл. XVII конф. ИА АН УССР), Ужгород, 1978, стр. 72 сл.

мость критически обобщить новые представления. Именно эту задачу и ставит перед собой автор настоящей работы. Следует учитывать, однако, что нарисованная ниже картина весьма далека от полноты и завершенности. Будучи сознательно построена почти исключительно на археологических материалах, она являет собой всего лишь возможную модель еще мало изученного, но, несомненно, весьма сложного и противоречивого исторического процесса, каковым представляется освоение греками экономического потенциала одного из богатейших районов Северного Причерноморья.

Хорошо известно, что область Нижнего Побужья — объект наиболее ранней греческой колонизации в пределах нашей страны. Если отбросить тот совершенно не определяемый археологически, но скорее всего реально существовавший отрезок времени, в течение которого греческие мореплаватели так или иначе знакомились с природными условиями и демографической ситуацией Нижнего Побужья, не основывая здесь апойкии, то начало колонизации данной области следует связывать с появлением первого постоянного поселения на современном острове Березань⁵. В результате всей совокупности данных установлено, что это событие произошло где-то в середине — второй половине VII в. до н. э. Указанную дату весьма основательно подкрепляет археологический материал и прежде всего расписная импортная керамика, отдельные образцы которой, по мнению Л. В. Копейкиной, можно датировать еще первой половиной названного столетия⁶. Есть основание считать, что поселение с момента возникновения именовалось его обитателями Борисфеном или Борисфенидой⁷ и, таким образом, именно с ним следует связывать дату основания Борисфена — 645/644 гг., указанную в хронике Евсевия (Euseb. Chron., Cap., p. 96b, Helm).

Как показывают археологические наблюдения, область Нижнего Побужья в канун появления греков не была занята оседлым населением⁸. Самые поздние постоянные поселения предшествующего эллинской колонизации периода, обнаруженные на этой территории, относятся в подавляющем большинстве к так называемому сабастиновскому этапу эпохи поздней бронзы, датируемому в настоящее время не позднее X в., до н. э.⁹, или даже еще более ранним временем; весьма скромными, едва уловимыми здесь оказались и следы присутствия воинственных кочевников¹⁰. Таким образом, можно думать, что первые поселенцы не встретили на своем пути организованного сопротивления со стороны местных жителей, получив тем самым полную свободу рук. Ситуация если не исключительная, то во всяком случае достаточно редкая, а главное, предоставляющая заман-

⁵ В настоящее время Березань — небольшой островок с абразионными берегами (850 × 350 м), в древности он был значительно больше и, возможно, связывался с материком узким и низким перешейком (подробнее см. А. Н. Щеглов, Заметки по древней географии и топографии Сарматии и Тавриды, I. Остров Березань, ВДИ, 1965, № 2, стр. 107—110; Л а п и н, ук. соч., стр. 129 сл.).

⁶ Л. В. Копейкина, Самый ранний образец расписной древнегреческой керамики из раскопок на острове Березань, СА, 1973, № 2, стр. 240—244.

⁷ П. О. Карышковский, Заметки об Ольвии и Борисфене, 4. Эмпорий борисфенигов и Березань, 30АО, II, 1967, стр. 83—88; Ю. Г. Винogradov, О политическом единстве Березани и Ольвии, «Художественная культура и археология античного мира», М., 1976, стр. 81 сл.

⁸ См., например, Л а п и н, ук. соч., стр. 43 сл.

⁹ А. М. Лесков, Заключительный этап бронзового века на юге Украины, Автореф. докт. дисс., М., 1975, стр. 46 сл.

¹⁰ О. Г. Шапошникова, Раскопки курганов в Николаевской области. АО 1977 года, М., 1978, стр. 400; Г. Т. Ковпаненко, Е. П. Бунятян, Скифские курганы у с. Ковалевка Николаевской области, «Курганы на Южном Буге», Киев, 1978, стр. 133 сл.

чивые возможности для новоявленных жителей Северного Причерноморья в приобретении плодородных земель и беспрепятственной эксплуатации весьма значительных природных ресурсов.

В какой же мере были реализованы эти возможности? По всей видимости, в весьма небольшой. Впрочем, об экономическом облике Березанского поселения до сих пор идут споры принципиального характера. И это понятно, ибо в прямой зависимости от того или иного решения вопроса находится оценка самого характера начала колонизации. Одни исследователи считают поселение по преимуществу аграрно-ремесленным центром¹¹, другие же — отдают предпочтение торговой направленности хозяйства¹². Надо полагать, что дальнейшее изучение культуры памятника сдвинет решение этого вопроса с состояния неустойчивого равновесия. Должен заметить все же, что, как представляется в настоящее время, позиция сторонников второй, по преимуществу торговой, ориентации экономики более подкреплена фактическими данными.

В самом деле, если мы теперь обратимся к соответствующей информации, то очень скоро обнаружим, что ее не так уж и мало, но главное — она весьма разнохарактерна. Это, во-первых, материалы самого поселения: большое количество хозяйственных ям, часть из которых явно могла служить для хранения товарного зерна¹³, необычно высокий удельный вес в керамическом комплексе относительно дорогой посуды¹⁴, принадлежавшей, по всей видимости, материально обеспеченным категориям лиц, к каковым, несомненно, следует относить и купцов, найденный недавно небольшой клад золотых ионийских монет последней четверти VII — начала VI в.¹⁵, использовавшихся прежде всего в интерлокальной торговле греков в качестве всеобщего эквивалента стоимости, и, наконец, два наиболее интересных эпиграфических памятника архаической Березани — многострочное графито на фрагментах ионийского килика VI в. и письмо на свинцовой пластинке конца VI — также непосредственно связанные с торговлей¹⁶.

Разумеется, противники подобной точки зрения могут возражать, что время написания упомянутых документов довольно далеко отстоит от начального периода существования поселения и скорее определяет его функцию уже в рамках Ольвийского государства, т. е. совершенно иной политической и социально-экономической системы. Все это так, но для нас важен сам факт наличия однозначно трактуемых письменных свидетельств торговой активности березанцев в VI в. Как представляется, в сочетании с другими вышеперечисленными материалами они могут послужить одной из опорных точек, характеризующих экономику наиболее ранней греческой — апойкии Нижнего Побужья.

Но это еще не все. Следы деятельности березанских купцов имеются и за пределами самого поселения. Как бы скептически ни относились некоторые исследователи к действительно редким находкам ранней греческой

¹¹ См., например, Л а п и н, ук. соч., стр. 122 сл.

¹² См., например, Ю. Г. В и н о г р а д о в, Новые материалы по раннегреческой экономике, ВДИ, 1971, № 1, стр. 66—67; К о п е й к и н а, Особенности развития Березанского поселения в архаический период..., стр. 35.

¹³ Ср. Л а п и н, ук. соч., стр. 122—124.

¹⁴ См., например, Л. В. К о п е й к и н а, Формирование и развитие ориентализирующего стиля в родосско-ионийской керамике (По материалам раскопок Березани), Автореф. канд. дисс., Л., 1971, стр. 3.

¹⁵ П. О. К а р ы ш к о в с к и й, В. В. Л а п и н, Денежно-вещевой клад эпохи греческой колонизации, найденный на Березани в 1975 г., «Материалы симпозиума...», Цхалтубо, 1977, стр. 36.

¹⁶ В и н о г р а д о в, Новые материалы..., стр. 64—67; о н ж е, Древнейшее греческое письмо с острова Березань, ВДИ, 1971, № 4, стр. 98 сл.

керамики на территории расселения оседлых земледельческих племен Среднего Побужья и отчасти Среднего Поднепровья, они все-таки есть¹⁷ и могут быть использованы для доказательства заинтересованности первых колонистов в получении сельскохозяйственных продуктов варваров. Наличие же лепной керамики жителей этих районов в самых ранних культурных слоях и комплексах самой Березани¹⁸, на мой взгляд, только подчеркивает глубину этих прежде всего, несомненно, экономических связей.

Следует напомнить, что в последние годы появились новые исключительно важные для понимания самого характера торговых контактов раннего периода материалы. Они значительно расширяют номенклатуру эллинских изделий, поступавших в лесостепную зону Северного Причерноморья еще в первой половине VI в. до н. э. Более того, создается впечатление, что в действительности ранний греческий экспорт включая в себя не только, или, точнее, не столько дорогостоящие высокохудожественные изделия керамистов метрополии, сколько прежде всего продукцию ремесленников самой Березани, ориентированную на удовлетворение насущных потребностей аборигенов в предметах из металлов.

Ассортимент такого рода предметов частично устанавливается по данным остатков, скорее всего, сезонных производственных мастерских этих ремесленников, расположенных на территории Кинбурнского п-ова, в Ягорлыцком поселении¹⁹. Как показали исследования этих остатков, здесь, на берегу Ягорлыцкого залива частично на основе местных сырьевых ресурсов уже в первой половине VI в. было налажено широкое производство самых разнообразных изделий скифского типа из железа, бронзы, свинца и, по всей видимости, стекла, в том числе: акинаков, наконечников копий и стрел, ножей, гвоздевидных булавок, браслетов с шаровидными утолщениями на концах, подвесок и гривн, разного рода бус и т. д.²⁰ Не подлежит сомнению, что значительная часть этих предметов предназначалась для продажи в районах хинтерланда²¹.

Последнее, на чем необходимо остановить внимание в связи с рассматриваемым вопросом, — это абсолютное отсутствие данных о наличии у Березанского поселения в первые 80—90 лет существования сколь-либо обширной сельскохозяйственной территории и это несмотря на довольно тщательное археологическое обследование ближайшей округи. Для того чтобы полностью оценить значение этого факта, следует напомнить, что первые колонисты, прибыв на земли, лишенные постоянного туземного населения, не имели внешних серьезных препятствий в приобретении сельскохозяйственных угодий и что именно в VII — первой половине

¹⁷ Н. А. О н а й к о, Античный импорт в Приднепровье и Побужье в VII—V вв. до н. э., САИ, вып. Д I—27, М., 1966, стр. 36 сл.

¹⁸ К. К. М а р ч е н к о, Лепная керамика Березани и Ольвии второй половины VII—VI вв. до н. э. «Художественная культура и археология античного мира», М., 1976, стр. 157—164.

¹⁹ Существующая интерпретация памятника как вполне самостоятельного постоянного поселения или даже отдельной греческой апойки, чуть ли не равноценной по своей экономической значимости ранним Березани и Ольвии (см. А. С. О с т р о в е р х о в, Экономические связи Ольвии, Березани и Ягорлыцкого поселения со Скифией (VII—середина V в. до н. э.), Автореф. канд. дисс., Киев, 1978) в настоящее время кажется малоубедительной и недостаточно подкрепленной соответствующими материалами. Напротив, местоположение остатков в районе так называемых Аленковских песков с почвами, не пригодными для возделывания большинства сельскохозяйственных культур, очаговое залегание культурного слоя, разбросанного на больших площадях, отсутствие характерных для архаического периода Северо-Западного Причерноморья долговременных жилых комплексов, короче, весь контекст свидетельствует, скорее всего, о сезонном характере выявленных здесь мастерских.

²⁰ О с т р о в е р х о в, Экономические связи..., стр. 14—16; о н ж е, Про черную металлургию на Ягорлыцком поселении, «Археология», 28, 1978, стр. 33, рис. 4.

²¹ О с т р о в е р х о в, Экономические связи..., стр. 14—17.

VI в. Березанское поселение переживало период относительного благополучия.

Подводя, таким образом, итог сказанному, можно прийти к заключению, что именно торговля, скорее всего, и являлась основой экономики раннего поселения и, следовательно, первый этап колонизации Нижнего Побужья вполне мог носить торговый характер.

Принципиальная возможность видеть в качестве определяющей функции хозяйства Березанского поселения торговлю отнюдь не исключает присутствия в составе населения этой аойкии наряду с купцами и их домочадцами, составлявшими, скорее всего, относительно небольшой контингент жителей, представителей иных групп ионийцев, в том числе ремесленников, о деятельности которых уже упоминалось выше, и даже земледельцев; однако значение последних категорий переселенцев в колониационном движении VII в. до н. э. в район Нижнего Побужья, по всей видимости, было второстепенным.

Анализ вещественных находок из слоя и закрытых комплексов раннего поселения позволяет также думать, что в состав жителей колонии помимо греков практически с момента ее основания входило какое-то, по-видимому, сравнительно небольшое число варваров — выходцев из районов Карпато-Дунайского бассейна, лесостепного Поднестровья и степной зоны Северного Причерноморья²². Социально-правовой статус этой части населения раннего поселения совершенно ясен. Что касается хозяйственной стороны, то, как представляется в связи со всем вышеизложенным первые оседлые туземные жители Нижнего Побужья античного периода не были использованы для возделывания земли в окрестностях Березани в сколько-нибудь значительных масштабах, что может быть объяснено их нехваткой или опять-таки торговой направленностью экономики поселения.

О политической структуре в ранний период ничего реального неизвестно²³. Гораздо более благоприятные возможности имеются для выяснения внешнего облика поселения. Так, не приходится сомневаться, в частности, что основной тип жилых построек поселения VII — первой половины VI в. — небольшие, не более 18—20 кв. м, круглые, овальные или подчетырехугольные землянки и полуземлянки, при сооружении отдельных стен и конструктивных деталей которых иногда использовался камень²⁴.

Середина VI в. до н. э., по всей видимости, стала поворотным моментом в истории Нижнего Побужья античного периода. В это время произошел быстрый и кардинальный переход к непосредственной и самой энергичной эксплуатации природных ресурсов области. Начался новый, второй по счету, на этот раз безусловно сельскохозяйственный этап колонизации.

Действительные причины такого перехода установить трудно. Весьма заманчиво было бы полагать, что новые веяния во внутренней колониационной политике греков были связаны с какими-то неблагоприятными тенденциями в развитии отношений с земледельческими племенами лесостепной зоны Северного Причерноморья или, например, с кочевниками-скифами, стремившимися в то время, по-видимому, поставить под свой контроль оседлое население Среднего Поднепровья²⁵. К сожалению, для

²² К. К. Марченко, Фракийцы на территории Нижнего Побужья во второй половине VII—I в. до н. э., ВДИ, 1974, № 2, стр. 149 сл.; о н же, Лепная керамика..., стр. 157 сл.

²³ Л а п и н, ук. соч., стр. 146 сл.; И. Б. Брашинский, Рец. на кн. A. W a s o w i c z, Olbia Pontique et son territoire, P., 1975 — СА, 1977, № 3, стр. 303 сл.

²⁴ Л а п и н, ук. соч., стр. 94 сл.

²⁵ См., например, А. А. Моруженко, Оборонительные сооружения городищ Поворскля в скифскую эпоху, «Скифский мир», Киев, 1975, стр. 144.

такого вывода пока нет достаточных оснований. Напротив, создается впечатление, что именно во второй половине VI в. происходит значительное возрастание общего объема греко-варварских контактов, в том числе и с лесостепной зоной²⁶. Скорее всего, дело в другом, а именно в появлении новой большой волны колонистов, заинтересованных прежде всего в получении и эксплуатации свободных земель, в избытке имевшихся в то время в Нижнем Побужье. Логичнее всего это событие рассматривать в связи с основанием Ольвии и образованием Ольвийского полиса, включившего в себя и поселение на о-ве Березань.

Точное время возникновения Ольвии все еще не установлено. Последние исследователи вопроса называют рубеж VII—VI вв. до н. э.²⁷ Лично мне такая дата представляется чрезмерно заниженной и недостаточно подкрепленной археологическими данными. В самом деле, к настоящему времени в итоге многолетних систематических раскопок культурные напластования большей части незатопленной территории древней Ольвии изучены в хронологическом отношении достаточно полно. Единственным исключением, пожалуй, является так называемая «цитадель» — район городища к югу от первой поперечной балки²⁸. На всей исследованной площади до сих пор не обнаружено четко выраженных остатков культурного слоя или комплексов ранее третьей четверти VI в. до н. э.²⁹ Нет комплексов более раннего времени и в материалах архаического некрополя города. Иное дело вторая половина VI в. до н. э. В это время Ольвия предстает перед нами уже в виде вполне сложившегося городского центра, занимающего почти всю территорию, которую он охватывал позднее, в период своего наивысшего расцвета, имеющего выделенный теменос³⁰, агору с общественными зданиями³¹ и обширные жилые кварталы, состоящие почти исключительно из небольших землянок и полуземлянок различных типов³². Наличие же относительно малочисленных материалов первой половины VI в. до н. э., главным образом обломков керамики, эпизодически встречающихся в процессе раскопок в слоях и комплексах более позднего времени³³, в свете только что изложенного можно объяснить либо как естественный компонент керамического комплекса первых колонистов, хотя бы и состоявших в основном из лиц, страдавших у себя на родине от стенохории³⁴, либо (это на современном уровне исследованности вопроса кажется менее вероятным, хотя и не невозможным) функционированием в первой половине VI в. своего рода ядра или зародыша будущего центра ольвийского полиса на все еще плохо изученной площади «цитадели»³⁵.

²⁶ О н а й к о, ук. соч., стр. 40 сл.

²⁷ Ю. Г. В и н о г р а д о в, Из истории архаической Ольвии, СА, 1971, № 2, стр. 237 сл.; Л. В. К о п е й к и н а, Некоторые итоги исследования архаической Ольвии, «Художественная культура и археология античного мира», М., 1976, стр. 139.

²⁸ С. Д. К р и ж и ц ь к и й, А. С. Р у с я е в а, Найдавнішій житла Ольвії, «Археологія», 28, 1978, стр. 4, рис. 1.

²⁹ Мнение о наличии в Ольвии культурного слоя второй четверти VI в. до н. э. (Ю. Г. В и н о г р а д о в, Прохус Минниды из Пантикапея, ВДИ, 1974, № 4, стр. 66) пока преждевременно.

³⁰ А. Н. К а р а с е в, Монументальные памятники ольвийского теменоса, «Ольвия. Теменос и агора», М.—Л., 1964, стр. 32 сл.

³¹ Л. В. К о п е й к и н а, Новые данные об облике Березани и Ольвии в архаический период, СА, 1975, № 2, стр. 194 сл.

³² К р и ж и ц ь к и й, Р у с я е в а, ук. соч., стр. 5.

³³ К о п е й к и н а, Некоторые итоги исследования архаической Ольвии, стр. 131 сл.; К р и ж и ц ь к и й, Р у с я е в а, ук. соч., стр. 6 сл.

³⁴ В и н о г р а д о в, Из истории архаической Ольвии, стр. 237.

³⁵ Окончательное решение вопроса следует ожидать только после возобновления широкого раскопок территории «цитадели» с обязательным скрупулезным изучением всей свиты культурных напластований, включающим точную фиксацию глубин залегания раннего материала относительно более поздних находок.

Если в настоящее время доказательства основания Ольвии на рубеже VII—VI вв. или даже в первой четверти VI в. крайне малочисленны и к тому же довольно однобоки, то каких-либо реальных данных об экономическом облик колонии столь раннего времени просто не существует. Единственное, что по этому поводу можно было бы отметить — отсутствие в окрестностях гипотетической апойки первой половины VI в. следов хоры³⁶.

Таким образом, само по себе второе допущение как будто не противоречит ранее высказанному предположению о торговом характере первого этапа колонизации Нижнего Побужья, не противоречит оно и другому нашему предположению — о появлении в середине VI в. до н. э. новой большой волны колонистов, поскольку естественный прирост населения небольшой колонии, каковой только и могла быть ранняя Ольвия, при всех мыслимых ситуациях не мог быть столь значительным, чтобы в течение жизни одного поколения позволить полностью заселить обширную территорию города второй половины VI в.

Появление новых переселенцев и последовавшее вслед за ним создание крупного хозяйственного и политического организма Нижнего Побужья — Ольвийского полиса, имевшего не торговую, а преимущественно сельскохозяйственную направленность экономики, не могло не сказаться на структуре социально-экономических отношений. Произошло существенное расширение возможностей греческой общины в целом.

Уже в третьей четверти VI в. до н. э. на Березанском поселении начинается заметный подъем строительства, причем не только жилого, но, как считает руководитель раскопок Л. В. Копейкина, и общественного назначения³⁷. Есть даже основания полагать, что на отдельных участках работа велась, как и в Ольвии, по заранее разработанному плану (там же, стр. 180). Особенно примечательным в этой связи является изменение самого характера сооружений: отныне намечается довольно быстрый переход к наземным типам построек.

Главные события этого времени развернулись, однако, за пределами Березани и Ольвии, на берегах Бугского, Днепро-Бугского и Березанско-Сосицкого лиманов, где также с начала третьей четверти VI в. до н. э. быстро, буквально как грибы после дождя начинают возникать небольшие сельскохозяйственные поселения³⁸, в экономическом и культурном отношении явно связанные с Ольвией. Высказано, впрочем, весьма допустимое мнение, согласно которому в самом начале этого этапа в основании поселений, расположенных в районе гор Очакова и в низовьях Березанского лимана, деятельное участие принимали жители Березани³⁹. Равным образом, нельзя исключать и того, что именно на этом участке области возникли наиболее ранние поселения такого рода⁴⁰.

³⁶ Судя по имеющимся материалам, время основания Широкобалкинского позднеархаического поселения, расположенного в 2 км к югу от Ольвии, вполне укладывается в пределы третьей четверти VI в. до н. э.; ср. Б. М. Рабицкий, Поселение у Широкой балки, КСИИМК, 1951, вып. XL, стр. 114 сл.

³⁷ Копейкина, Новые данные..., стр. 188 сл.

³⁸ См. также А. С. Русаева, К истории освоения эллинами Северо-Западного Причерноморья в VII—V вв. до н. э., «Авторско-читательская конференция журнала „Вестник древней истории“ по проблеме „Полис и хора. Вопросы экономики, политики и культуры“ (тезисы докл.)», М., 1978, стр. 42 сл.

³⁹ Wąsowski, ук. соч., стр. 37 сл.; Отрешко, Позднеархаические поселения Березанского лимана, стр. 32.

⁴⁰ О н ж е, Западный район ольвийской периферии в позднеархаическое время, «Новейшие открытия советских археологов», ч. 2 (тезисы докл. конф.), Киев, 1975, стр. 93 сл.

В настоящее время следы памятников позднеархаического времени обнаружены более чем в 70 пунктах Нижнего Побужья. Следует полагать, однако, что в действительности их было гораздо больше, поскольку часть могла погибнуть в процессе береговой абразии. Как бы то ни было, нельзя не поражаться темпу и размаху освоения эллинами экономического потенциала области, охватившего весьма значительную даже по современным масштабам территорию от гор. Николаева до гор. Очакова и Березанско-Сосицкого лимана. Нет никакого сомнения в том, что проведение такого трудоемкого, потребовавшего значительных людских ресурсов мероприятия в течение жизни одного поколения было под силу лишь мощному экономическому и политическому организму, каковым в то время мог являться только Ольвийский полис.

подавляющее большинство позднеархаических поселений было расположено либо на берегах лиманов, либо около больших оврагов и ныне высохших речек, но на полосе не шире 5—7 км. Судя по данным разведок, в настоящее время в их составе можно выделить по крайней мере два принципиально отличных типа — постоянные поселения с четко выраженным культурным слоем, жилыми и хозяйственными комплексами и поселения без регулярного (правильного) слоя, трактуемые как сезонные стоянки пастухов⁴¹.

Размеры отдельных поселений второй половины VI в. варьируются от нескольких сот квадратных метров до 6 га и более. На территории Нижнего Побужья известен и значительно больший памятник с площадью около 1 кв. км — поселение Чертоватое 2, расположенное в 1,5 км к северу от ольвийского городища⁴². Наиболее многочисленными, однако, являются памятники, имеющие площадь порядка 1—1,5 га.

Внешний облик и культура постоянных поселений этого времени постепенно выясняются в ходе работ последних лет. Сопоставление материалов наиболее изученных памятников — поселений у Широкой балки (в 2 км к югу от Ольвии)⁴³, Викторовки 1, Бейкушского, Кабарги 1, Большой Черноморки 2 (в низовьях Березанского лимана)⁴⁴, Чертоватого 2, Старой Богдановки 2 (в 1,5 и 15 км к северу от Ольвии)⁴⁵ и, наконец, Лупарево 2 (левый берег Бугского лимана, напротив Ольвии)⁴⁶ позволяет говорить о значительном сходстве их материальной культуры.

Основной тип жилищ на поселениях этой группы — это округлые, овальные и подчетыреугольные землянки и полуземлянки. Их площадь, как правило, не превышала 20 кв. м, а глубина колебалась от 0,3 до 1,5 м. Лишь в одном случае — на поселении Старая Богдановка 2 — выявлены остатки землянки значительно больших размеров — около 55 кв. м. В некоторых жилищах открыты следы балочного крепления кровли в виде конусовидных ямок от столбов, лестницы, вырубленные в материке, глинобитные очаги, разного рода хозяйственные углубления и так назы-

⁴¹ Бураков, Отрешко и др., Разведки Периферийного и Геофизического отрядов Ольвийской экспедиции, стр. 311.

⁴² В. В. Рубан, В. М. Отрешко, Раскопки поселения Чертоватое 2, АО 1975 года, М., 1976, стр. 387 (необычайно большие размеры этого памятника заставляют думать, что в действительности он может состоять из целого куста близко расположенных друг от друга относительно небольших поселений).

⁴³ Рабичкин, ук. соч., стр. 114 сл.

⁴⁴ Капошина, ук. соч., стр. 240 сл.; Отрешко, Западный район ольвийской периферии..., стр. 93 сл.

⁴⁵ К. К. Марченко, Я. В. Доманский и др., Раскопки поселений античного времени в Нижнем Побужье, АО 1977 года, М., 1978, стр. 353 сл.; Марченко, Виноградов и др., Раскопки античного поселения Старая Богдановка 2.

⁴⁶ К. К. Марченко, Я. В. Доманский и др., Работа периферийного отряда Ольвийской экспедиции, АО 1976 года, М., 1977, стр. 332.

ваемые ритуальные столики в виде небольших прямоугольных возвышений из глины или камня у бортов землянок. На поселении у Широкой балки в одном из грунтовых помещений обнаружены остатки большой печи для сушки зерна. При сооружении стен и цоколей стен отдельных землянок и полуземлянок использовался камень.

Помимо заглубленных в землю построек на позднеархаических поселениях функционировали и различного рода и облика наземные сооружения с турлучными или сырцовыми стенами и цоколями, выложенными из камня, однако планы этих строений за редкими исключениями пока не выявлены⁴⁷.

Судя по культурным остаткам, жители этих поселений в основном занимались земледелием и скотоводством. Большое количество импортных греческих изделий, прежде всего разнообразной керамики, находки монеток-стрелок и дельфинчиков говорят о развитии товарно-денежных отношений уже на этом этапе. Широкое распространение получило рыболовство, носившее, быть может, также товарный характер. Очень небольшое значение имела охота на диких животных. Ремесла в условиях налаженной торговли с Ольвией на подавляющем большинстве поселений существенного развития не получили.

Динамика усиления экономической базы новых поселенцев в условиях их относительной изолированности от неблагоприятных воздействий со стороны причерноморских варваров в настоящее время, пожалуй, лучше всего может быть проиллюстрирована материалами эволюции поселения Старая Богдановка 2. Поселение самое что ни на есть рядовое. Его площадь равна 1,2 га. Исследованиями последних лет здесь открыта изолированная группа строений из 12 землянок и полуземлянок, представляющая, по всей видимости, единый комплекс, — возможно, место обитания, нуклеарного коллектива колонистов, функционировавший с начала последней трети VI в. до первого десятилетия V в. В соответствии с полученными данными в развитии этого комплекса можно выделить, по крайней мере, три последовательных периода, примерно характеризующих существенное расширение строительных и хозяйственных возможностей обитателей поселения в течение 25—30 лет.

В первый период на совершенно незастроенном участке поселения выкапываются две круглые землянки и, возможно, одна четырехугольная. По прошествии весьма непродолжительного времени все постройки этого периода засыпаются, а на их месте строятся частью одновременно, частью последовательно шесть новых четырехугольных и одна овальная землянка и целый ряд хозяйственных ям различного назначения. Наиболее серьезные, кардинальные перемены происходят, однако, в самом конце VI в., когда вся ранее освоенная площадь комплекса нивелируется, покрывается добротной каменной вымосткой площадью более 250 кв. м и на месте землянок возводятся два слегка заглубленных в землю четырехугольных дома с каменными цоколями и сырцовыми стенами.

Вообще же необходимо подчеркнуть, что именно конец VI в. до н. э. являет нам картину предельного роста строительного потенциала колонистов. Помимо уже упомянутых несколько заглубленных в землю однокамерных домов с каменными цоколями, на поселении в это время функционировали и типично наземные постройки, в том числе небольшие четырехугольные, также однокамерные сооружения площадью около 8 кв. м с сырцовыми стенами, покоившимися на каменных цоколях. Наиболее показательны в этой серии, однако, остатки пока уникального для Нижнего Побужья большого, по-видимому, квадратного здания, западная и

⁴⁷ О т р е ш к о, Позднеархаические поселения Березанского лимана, стр. 32.

восточная стороны которого имели длину около 30 м при толщине внешних стен 1,2 м⁴⁸. Судя по наиболее сохранившимся участкам, здание состояло из ряда связанных между собой небольших четырехугольных помещений, примыкавших к вымощенному камнем двору.

Каким же образом эллинам в короткий срок удалось добиться столь значительных успехов в освоении огромной по тем временам области? Совершенно очевидно, что первостепенное значение в данном случае имело отсутствие в Нижнем Побужье аборигенного оседлого населения. Но дело не только в этом. Анализ доступных нам археологических источников всех мало-мальски изученных памятников показывает наличие среди жителей позднеархаических поселений наряду с греками выходцев из различных глубинных районов Причерноморья. Этнический состав последних был, по-видимому, в общем аналогичен установленному ранее для Березани и Ольвии⁴⁹, хотя уже сейчас можно предполагать и наличие каких-то небольших локальных особенностей. Единственным серьезным отличием являлся значительно больший удельный вес туземцев на хоре. Вполне закономерно в этой связи предположить, что потребность в варварах, возникшую в процессе внутренней колонизации области, оказалось невозможным покрыть только за счет прежних внутренних ресурсов и потребовался новый широкий приток их. Каким образом это произошло — совершенно неизвестно. Формы вовлечения жителей внутренних районов в экономическую орбиту греков могли быть самыми разнообразными — от обещания и предоставления каких-то вполне конкретных хозяйственных выгод до покупки военнослепленных и внеэкономического захвата или даже насильственного переселения групп людей с помощью воинственных кочевников-скифов⁵⁰. Следует думать также, что в данном случае решающую роль могла сыграть информация, накопленная греческими купцами еще в VII — первой половине VI в. во время интенсивных торговых контактов жителей Березанского поселения с причерноморскими варварами.

Как уже упоминалось выше, варвары, жившие на поселениях Нижнего Побужья во второй половине VI в. до н. э., в этнокультурном отношении не представляли однородного образования. Сам по себе этот факт заставляет полагать, что здесь в процессе греческой колонизации был искусственно создан зависимый от эллинов слой населения, не представлявший на первых порах автаркичной системы — явление, находящее близкие аналогии и в других районах Причерноморья⁵¹. В таких условиях Ольвийский полис имел полную возможность беспрепятственно проводить свою социальную и хозяйственную политику, направленную, скорее всего, на превращение туземцев в категорию жителей Нижнего Побужья, призванную способствовать обеспечению гражданской общины дешевыми сельскохозяйственными продуктами.

Как далеко зашел этот процесс в VI в., остается только догадываться. Весьма вероятно, однако, что именно это состояние и функция варваров аграрных поселений ольвийской округи нашли свое отражение в сообщении Геродота, согласно которому ближе всего к торговой гавани борисфе-

⁴⁸ К настоящему времени объект раскрыт на площади около 215 кв. м. Нет никакого сомнения, однако, в том, что здание занимало значительно большую площадь.

⁴⁹ К. К. Марченко, Варвары в составе населения Березани и Ольвии во второй половине VII — первой половине I в. до н. э., Автореф. канд. дисс., Л., 1974, стр. 15.

⁵⁰ Возможно, одним из наиболее ярких свидетельств переселения в Нижнее Побужье целых групп варваров является уже упомянутая выше необычно большая землянка на поселении Старая Богдановка 2, напоминающая, прежде всего, жилища жителей лесостепной зоны Северного Причерноморья.

⁵¹ См., например, А. Н. Щеглов, Северо-Западный Крым в античную эпоху, Л., 1978, стр. 126.

нитов проживали каллипиды, эллино-скифы, сеявшие наряду с алазонами хлеб, лук, чеснок, чечевицу и просо (Herod., IV, 17).

Естественный ход развития сельскохозяйственной территории Ольвии и всего государства в целом продолжался весьма недолго. Археологические исследования последних лет рисуют нам картину полного запустения Нижнего Побужья уже в первой четверти V в. до н. э. К этому времени прекращается жизнь почти на всех рядовых позднеархаических поселениях области⁵², сокращается территория Березани⁵³. Существенно отметить, что одновременно фиксируется довольно быстрая трансформация этнического состава зависимого от эллинов слоя населения: в его рядах исчезают лесостепные и карпато-дунайские элементы⁵⁴. Отныне, вплоть до второй половины IV в. до н. э., пополнение туземцев шло естественным путем и за счет жителей степной зоны Северного Причерноморья⁵⁵.

Анализируя происшедшие перемены, я не склонен вслед за другими думать, что они вызваны каким бы то ни было синойкизмом поселений, тем более обусловленным образованием Ольвии или Ольвийского полиса⁵⁶: слишком противоестественным и алогичным в этом случае оказался бы отказ только что родившегося государства от собственной сырьевой базы, да и сам синойкизм в естественных условиях отнюдь не вел к исчезновению сельскохозяйственной территории. Дело, конечно, в другом. В этой связи нельзя не заметить синхронности внезапного исчезновения рядовых поселений Нижнего Побужья, а, кстати сказать, и Нижнего Поднепровья⁵⁷ с активизацией военно-политической деятельности кочевых скифов в Северо-Западном Причерноморье, последовавшей вскоре после Скифского похода Дария (Herod., IV, 40)⁵⁸. Как представляется, резкое усиление сплотившихся в борьбе с персами номадов, закрывших традиционные пути проникновения в Нижнее Побужье фракийцев и подчинивших себе часть земледельческих племен лесостепной зоны Северного Причерноморья, имело одним из следствий на первых порах некоторое ухудшение их отношений с греками. В основе такого ухудшения, скорее всего, могло лежать стремление скифов поставить под свой контроль торговлю сельскохозяйственными продуктами в Северо-Западном Причерноморье. В силу этого и должны были быть созданы условия, при которых оказалось невозможным нормальное функционирование незащищенных небольших поселений Нижнего Побужья⁵⁹.

⁵² Я. В. Доманский, К. К. Марченко, Некоторые вопросы античной истории Нижнего Побужья, «150 лет Одесскому археологическому музею ИА АН УССР», Киев, 1975, стр. 121; Рубан, О периодизации античных памятников..., стр. 132.

⁵³ Копейкина, Новые данные..., стр. 193 сл.

⁵⁴ Марченко, Варвары в составе населения Березани и Ольвии..., стр. 16.

⁵⁵ Там же, стр. 17—19.

⁵⁶ См., например, В. В. Рубан, Некоторые аспекты изучения процесса формирования античных городов Северо-Западного Причерноморья, «Древние города. Материалы к Всесоюзной конференции „Культура Средней Азии и Казахстана в эпоху раннего средневековья“», Л., 1977, стр. 43.

⁵⁷ М. В. Агбунов, С. Б. Охотников, А. А. Ройзман, Разведки античных памятников Нижнего Поднепровья, АО 1977 года, М., 1978, стр. 287.

⁵⁸ Довольно показательным с этой точки зрения является появление в начале — первой половине V в. до н. э. многочисленных погребений кочевых скифов в степных районах Южного Побужья (см., например, Ковпаненко, Бунятян, ук. соч., стр. 134 сл.).

⁵⁹ Совершенно не исключено, что строительство на окраине поселения Старая Богдановка 2 упомянутого выше большого здания конца VI — начала V в. с мощными внешними стенами было вызвано стремлением колонистов по возможности обезопасить себя от враждебных акций со стороны скифов. Вполне возможно также, что прямые следы такого рода акций зафиксированы в настоящее время на поселении Большая Черноморка 2 (см. А. И. Ганжа, Л. В. Мошкова, В. М. Отрешко, Раскопки архаического поселения на Березанском лимане, АО 1977 года, М., 1978, стр. 310).

Устранив очевидного конкурента, каковым в этих условиях оказывалась ольвийская периферия, и обеспечив себе, таким образом, монопольное положение в хлебной торговле между эллинами и земледельцами, кочевая знать уже со второй четверти V в., до н. э. стала вполне лояльно относиться к городу, видя в нем, наряду с прочим, один из источников получения продукции греческих ремесленников и виноделов⁶⁰. Начался новый, третий по счету этап в истории развития эллинской общины Нижнего Побужья, который выходит уже за рамки нашей работы.

К. К. Марченко

A MODEL OF GREEK COLONISATION IN THE LOWER BUG AREA

K. K. Marchenko

The author presents a critical survey of recent views on the character of Greek colonisation along the lower reaches of the Bug river, one of the richest areas of the North Black Sea coastal region. In the light of new archaeological material the author constructs a residual model of the process by which the Greeks learned to exploit the economic potential of the region in the 7th and 6th centuries B. C. He observes two principal stages in this process. In the second half of the 7th century and the first half of the 6th there was founded, on the island of Berezan, only one permanent colony. Its population was mainly engaged in trade. Colonisation is accordingly typed by the author as commercial. The second stage extended from the middle of the 6th century through the first quarter of the 5th. Its beginning is marked by a substantial change in the motive for colonising: from now on colonisation had a pronounced agrarian character. In the author's opinion the change resulted from the arrival in the Lower Bug area of a big new wave of Greek settlers looking for unoccupied land. The Olbian polis — a powerful social, economic and military as well as political unit — embraced, besides the recently built town, also the earlier settlement on Berezan and a flock of villages along the shores of the Bug, the Dnieper-Bug and Berezan limans. As the mainland settlements multiplied in the interior and the Greeks came into contact with local people of various ethnic origins, there was formed under the aegis of Olbia a stratum of dependent barbarian population whose function it was to keep the Greek community supplied with agricultural products. The natural flow of this internal colonisation was soon (beginning of the 5th century) interrupted by hostile incursions of nomadic Scythians, which resulted in the almost total abandonment of the agricultural settlements in the Olbia area.

⁶⁰ Предельное, гипертрофированное выражение этого отношения скифской верхушки к грекам можно видеть в пресловутой истории со Скилом (Herod., IV, 78—80). Дополнительным аргументом в пользу сравнительно миролюбивых отношений между греками и скифами в это время является существование в течение практически всего V в. до н. э. на западной границе Ольвии так называемого предградья, лишенного каких бы то ни было естественных или искусственных рубежей обороны (см. Ю. И. Козуб, Историческая топография некрополя Ольвии, «150 лет Одесскому археологическому музею АН УССР», Киев, 1975, стр. 124; о н а ж е, Раскопки предместья и некрополя Ольвии, АО 1974 года, М., 1975, стр. 295 сл.; о н а ж е, Древнейшее святилище Ольвии, «Ольвия», Киев, 1975, стр. 139). Существенно также отметить совпадение времени возникновения этого «предградья» с началом ухода жителей с берегов лиманов. Судя по опубликованным данным и сообщениям, максимум жизнедеятельности в «предградье» падает как раз на период наибольшего запустения сельскохозяйственной территории Ольвии, а его исчезновение, по-видимому, несколько предшествует или даже одновременно началу следующего этапа внутренней колонизации Нижнего Побужья. Синхронность всех этих явлений заставляет видеть в «предградье» новое место обитания какой-то части зависимых от эллинов варваров. Можно думать, таким образом, что именно здесь, под защитой ольвийских стен, полис смог сохранить костяк своего сельскохозяйственного населения, предназначавшегося для работ на хоре. Такому предположению в общем не противоречит и культурный облик этого памятника, где вплоть до конца V в. до н. э., т. е. до времени его запустения, продолжали функционировать обычные для позднеархаических поселений сильно заглубленные в землю жилища.